

СОБЫТИЯ

ВИНДЗОРСКИЕ ПРИВИДЕНИЯ

ДНЁМ 8 СЕНТЯБРЯ в мировой прессе прошла новость: со здоровьем британской королевы Елизаветы II серьёзные проблемы. В шотландскую резиденцию Балморал, где престарелая немка (до 1917 года Виндзоры именовались Саксен-Кобург-Готской династией дома Веттинов. — Прим. ред.) отдыхала от изнурительного труда монарших будней, устремились старшие представители семейства. Вместе с этим редакторы крупнейших газет принялись судорожно искать на покрытых пылью полках некрологи, заранее написанные ещё десятилетия назад.

Мир, затаив дыхание, ждал неизбежного. И неизбежное случилось, пусть и не сразу. К вечеру СМИ, каналы отдельных публицистов, блоги знаменитостей и миллионы казавшихся нормальными людей наполнила траурная патока по последнему оставшемуся в живых осколку Британской империи — королева умерла! Ушло из жизни явление настолько старое, что казалось до поры абсолютной исторической константой, ушёл мост, связывающий нашу эпоху, которой ещё не скоро дадут название, со временами Черчилля, Сталина, Трумана и Мао.

Интернет-хозячки щедро насыпали шуток про то, что Елизавета II приняла страну с Черчиллем, а оставила с Лиз Трасс, упуская из внимания интересную историческую иронию. Мало того, что разбитый инсультom, потерявший всякий задор и страшно уставший от жизни и власти Черчилль времён своего второго премьерства больше напоминал сегодняшнего Байдена, нежели того порода из рода герцогов Мальборо, чем мы знаем по Ялтинской конференции, так ещё и приход к власти кабинета Трасс открывает интересное противоречие между формальным и фактическим главами государства, ни за одним из которых нет внятной легитимности.

В расхождении про смерть английской королевы очень легко удраться в две крайности. Одни люди, не успев старуха остыть, принялись рассматривать политические подтексты, рассуждая о последствиях смерти Елизаветы для глобальной политики, говорят о британском монархе как о явном акторе международных отношений, наподобие Си Цзиньпина или Джо Байдена. Вторые, напротив, говорят, что согласно британским законам, монарх реальной власти не имеет, а следовательно, вся монархия — это большое реалисти-шоу, в котором коронованная голова играет роль главной телезвезды.

Разумеется, в разговорах про государство, где традиции управления формировались многие сотни лет, всё не может быть настолько просто. Нет, покойная не была всего лишь развлечением для публики, этакой белой Ким Кардашьян преклонного возраста, но и не она определяла устремления британской политики в период от Черчилля до Трасс. Кто-то ставит покойной в вину гибель Pax Britannica, закят солнца над той империей, где оно никогда не заходило. Это так же несправедливо, как утверждение о полной независимости британского курса от взглядов королевы.

В Британии существует традиция (за принуждение к нарушению которой порой травят сильнее, чем за преступление любого закона), согласно которой монарх, как и члены королевской семьи, должен быть выше идеологии и политики, так что устоявать в гризне партий и выражать свои взгляды ему не рекомендуется. Этой традиции придерживалась и Елизавета, однако, по ряду редких, но довольно многочисленных (ещё бы, за столько-то лет) случаев можно сделать выводы об убеждениях новопреставившейся.

Так, в середине 1980-х королева прокомментировала в The Times общенациональную забастовку шахтёров, назвав её всего лишь результатом интриг главы профсоюза. Стремление франкоговорящего Квебека объявить независимость от британского доминирования Канады показало Елизавете достойным подавления со стороны Оттавы, о чём она сообщила в телефонном разговоре якобы с канадским премьером (на самом деле это был пранкер) в 1995-м.

Но самым возмутительным случаем нарушения упомянутой выше негласной традиции была история с шотландским референдумом за независимость. Тогда премьер Кэмерон попросил королеву высказаться против — Елизавета, общаясь со своей подданной неподалёку от шотландского Балморала, где ей было суждено умереть, посоветовала шотландке "как следует подумать" об исходе референдума. Мафиозная прямолинейность старушки Виндзор сработала: 55% шотландцев проголосовало против независимости.

Иными словами, как человек радикально иной эпохи и социального статуса, нежели все те, кто задавал идеологические тенденции где-то с середины 1970-х, Елизавета была маяком консервативной политики в Британии. Последние четверть века корректно говорить, что Елизавета была консервативнее Консервативной партии: частые сегодня внешне неотличимые от воззваний американских демократов лозунги консерваторов являются лишь отложенным результатом долгого и планомерного скатывания партии тори к умеренному прогрессивизму, на фоне которого альтернативой выглядит только радикально левое направление агитации Лейбористской партии.

Но было в поведении королевы кое-что, что не укладывалось в рамки реакции, — климатическая повестка. Мало того, что её дети все как на подбор выросли в той или иной степени агитаторами против глобального потепления, так ещё и одной из последних речей в полной королевских тирад карьеры Елизаветы II стало обращение к участникам провального климатического саммита ООН в Глазго в октябре прошлого года. Там она сказала: "Никто из нас не будет жить вечно. Но мы делаем это (боремся с глобальным потеплением) не ради себя, а ради своих детей".

СТАРШИЙ ИЗ ЭТИХ ДЕТЕЙ, 73-летний Чарльз, хорошо известен читателям нашей газеты. За всегдатой Всемирного экономического форума, страстный борец за экологию, учредитель и лауреат ряда известных прогрессивных премий и грантов и отец Уильяма — такого же завсегдатая, борца, учредителя и лауреата. Разумеется, вспомнить о близкой дружбе с представителями видных аристократических семейств, чьи фамилии подозрительно часто всплывают рядом со всякими прогрессивными инициативами, даже нет смысла. Прибавьте к этому тесное общение с нефтяными монархами Персидского залива, открытое участие в мутных схемах по организации встреч представителей бизнес-кругов Ближнего Востока и Британии и постоянное участие в самых разных мероприятиях сомнительного характера в качестве свадебного генерала — и вы получите портрет идеального современного аристократа, этакого британского Хантера Байдена, только без краха, проститутки и смешных фотографий на телефоне (хотя кто этого Чарли знает).

Только в конце июня отгремел скандал вокруг передачи Чарльзу трёх миллионов евро бывшим пре-

мьером Катара и хозяином огромных площадей лондонской недвижимости Хамадом бен Джасимом Аль Тани в ходе встречи к глазу на глаз в 2015-м. За какие такие заслуги принц получил в свой "благотворительный фонд" такую сумму, никто так и не рассказал, но то, как вялоотреагировала британская общественность на подобные художества своего будущего короля, намекает на привычность такого поведения.

Вообще отношения принца с катарцами были предметом множества странных историй. Так, поговаривают, что Чарльз, известный сторонник архитектуры неонисторизма и противник современных методов строительства, заставил катарских застройщиков изменить дизайн жилого квартала в Челси, что в центре Лондона, на более традиционный. Это сделало из принца врага идеологов архитектурного постмодерна — Заха Хадид, Ренцо Пиано и Жак Херцог писали на Чарльза клеюзы в главные британские либеральные газеты.

В феврале прошлого года в The Guardian вышел рассказ о том, как Чарльз мешал жителю своего огромного имения в графстве Корнуолл выкупать свои дома — мешал, используя механизмы парламентского вето, ничуть не заботясь о традиции быть выше политической схватки. Также The Guardian утверждает, что процедура тайного голосования члена королевской семьи (под которым очевидно подразумевался Чарльз) помогла Парламенту принять более тысячи "нужных" законов. Документы из Национального архива показывают, что Чарльз активно способствовал принятию как актов норм внешних отношений (Закон о будущих отношениях с ЕС от декабря 2020 года), так и регуляций энергетической политики (14 марта 2016 г.), пенсий (18 октября 2011 г.), отношений государства и профсоюзов (12 июля 2009 г.) и массы других важных для британской политики вопросов. Сложно утверждать, что все эти голосования были направлены влево, но общее настроение британской политики последних двадцати лет (этого настроения не смогло сменить ни смещенный лейбориста Брауна консерватором Кэмероном, ни брекзит) явно намекает нам на взгляды венченосного либерала. На это же намекает демонстративное нежелание в июле 2018 года встречаться с нагрянувшим в Лондон Трампом — открытым пренебрежением к американскому президенту тогда отменилось не только фанат Обамы Уильям, но и его отец Чарльз.

После вступления в должность короля Чарльз стал Карлом — таковы особенности перевода его имени на русский: монархов и понтификов принято именовать иначе, чем обычных людей. Карл Третий — наследник казнённого в 1649-м Карла I Первого и изгнанного в 1651-м Карла Второго — стал также и главой англиканства (несмотря на свой интерес к греческому православью, вызванный происхождением его отца) и руководителем Содружества наций.

В своей приветственной речи Карл пообещал "отстаивать конституционные принципы до конца своих дней". Смелое заявление для короля страны, не имеющей Конституции. Однако устоявшийся порядок вещей может измениться. Два года назад принц Уэльский заявил, что после прихода к власти намерен реформировать королевскую семью. В лояльной Виндзорской прессе всё объяснялось прагматизмом — утверждается, что содержание всего семейства обходится казне в сотню миллионов фунтов в год.

ТЕМ НЕ МЕНЕЕ истинную причину замаскировать не получилось: репутационный кризис, который британская монархия терпит последние несколько лет, год за годом рушит её рейтинги. Скандалы с катарскими деньгами или то и дело вылезающие в речах неполиткорректные ремарки покойного принца Филиппа кажутся сущими мелочами в контек-

сте двух информационных бомб, подорвавших доверие к королевской семье. Во-первых, сын упомянутого Филиппа, царствие ему небесное, и Елизаветы, царствие ей небесное, принц Эндрю (пока живой), оказался близким другом Джеффри Эпштейна, царствие ему небесное, частым посетителем его вечеринки и ответчиком в нескольких судебных делах о слишком тесном общении с несовершеннолетними девушками. Во-вторых, реакция на демарш принца Гарри, женившегося на темнокожей американской актрисе Меган Маркл, настроила против британской короны мировую прогрессивную общественность. Переехавшие в США супруги были уволены из состава королевской семьи и принялись раздавать интервью о дремучей нетерпимости, царящей в коридорах Букингемского дворца. При этом характер двух заявлений — о резком ухудшении отношений Гарри с его отцом Чарльзом и о расистских словах "неназванного члена семьи" в адрес смешанных детей Гарри и Меган — явно называл этого "неназванного члена".

Нельзя сказать, что целая пиар-кампания Меган Маркл и примкнувшего к ней Гарри как-то серьёзно пошатнула веру британцев в монархию, но она легла в русло общего тренда на снижение популярности короны в британском обществе. В июне, в преддверии платинового юбилея Елизаветы, каналом ITV был опубликован опрос, согласно которому монархию поддерживает 62% британцев, причём в 2012-м их доля составляла 73%. Не нужно особенно глубоко понимать механизмы народной любви, чтобы догадаться: огромная часть этих процентов приходилась не на долю монархии как института, а конкретно на живого символа Англии — того самого символа, что 8 сентября перестал быть живым. Королева Елизавета, чей рейтинг, согласно опросу YouGov, составлял 75%, унесла за собой в могилу львиную долю поддержки монархии, а теряющая популярность корона легла на седую голову престарелого принца, имеющего лишь 42% рейтинга. Разумеется, нет занятия глупее, чем замерять проценты популярности монархов — разве что высчитывать рейтинг папы Римского — но тенденция дрейфа Британии в сторону республиканских установок станет в правление Карла Третьего более очевидна. Впору вспомнить слова Daily Mirror, сказанные на вике скандала с Гарри и Меган: монархия переживает худший кризис за последние 85 лет. Можно зарыться ещё глубже — в 1994 год — и найти видео, где румяная очаровашка на конференции либерал-демократов рассуждает о том, что идея передачи верховной власти по наследству — позор. Этой девушкой была Мэри Элизабет Трасс, 6 сентября вступившая в должность премьера Британии.

ДА, НА ФОНЕ всей этой кутерьмы с традициями, обычаями, коронациями и похоронами совершенно незамеченными прошли выборы нового премьера Британии. В стране, где живёт почти 70 миллионов человек, фактического главу государства демократически выбирала 160 тысяч членом правящей партии (давайте во имя веры в самоназванную "старейшую демократию мира" притворимся, что реальный вес имел каждый из 160 тысяч голосов). Выбор стоял между американским индусом Риши Сунаком и кондовой английской кабинетчицей Элизабет Трасс. Выбрали, как и ожидалось, вторую. Если бы ушедший в отставку Борис Джонсон не отмечался периодическим ношением килта, можно было бы назвать Лиз "Борисом в юбке". настолько её курс продолжает курс Джонсона. Предшественник тем не менее крайне вовремя ушёл в отставку, оставив на премейну самые тяжёлые решения, к которым Британию привёл этот самый курс.

Российская пресса исторически любит преувеличивать степень проблем, которые испытывает бывшая владычица морей, из-за чего нынешний кризис не впечатляет своими показателями. Но британские журналисты признают, что совокупность множества факторов привела к тому, что страна уже сейчас испытывает проблемы, сравнимые со всё чаще упоминающимся кризисом 1973 года. 30 августа агентство Goldman Sachs опубликовало о том, что годовая инфляция в Соединённом Королевстве может достичь 22% — для сравнения, "разорванная в клочья" экономика РФ, согласно ожиданиям, покажет 12–13% годовой инфляции. Daily Mail со ссылкой на главу третьей по величине энергокорпорации Британии OVO Energy утверждает, что к зиме 14 миллионов человек будут вынуждены отдавать за отопление столько, что не будет хватать на еду, — это называется "абсолютной нищетой". 23% населения, согласно опросу ITV, вообще не будут оплачивать своё жильё этой зимой. Всё это, напомним, происходит на фоне становления королём яростного сторонника зелёной политики. В ноябре прошлого года, на пресловутом саммите в Глазго, Чарльз призвал к "военной кампании" по полной перестройке мировой экономики ради борьбы с глобальным потеплением. Похоже,

что первой испытать на себе эффекты этой кампании взялась Британия.

Разумеется, исходящие от руководителей энергетических компаний рассказы про холод следует делить на три — но ведь даже так цифры смотрятся совершенно дико. Интерес большого бизнеса понятен — он хочет денег от государства. На это совершенно естественное желание премьер Трасс 6 сентября обещала и собирается выделить аж 100 миллиардов фунтов, дабы "заморозить (какой неудачный выбор слова) счета за отопление". Определённо, вливание тонн спешно напечатанных фунтов ничуть не подстегнёт и без того высокое обесценивание британской валюты, от которой эксперты ожидают скорого падения стоимости ниже показателей доллара — впервые в истории.

Английские соседи пишут, что Британия превращается в Италию на севере. Это вовсе не значит, что на островах вдруг откуда-то появилась хорошая погода, вкусная еда или красивые женщины: намек делается на перманентный парламентский кризис, выходу из которого не способствуют никакие смены правительства или премьеров. Несмотря на то, что подобное говорили и про Бориса, продолжавшегося три года, нужно сказать такое же и про Лиз: едва ли она въехала на Даунинг-стрит надолго.

Вдовесок к постоянной вестминстерской гризне, не делающей различий по партийной принадлежности, и страшному кризису, сопровождаемому лозунгом кабинета Трасс "горел сарай — гори и хата", консерваторы рискуют потерять больше сотни мест в Палате общин. По опросам, лейбористы при полном отсутствии ярых лидеров и внятной программы уже сейчас опережают их на 15% — это не столько говорит о популярности "партии розы", сколько показывает нелюбовь избирателя к Трасс и её скажочной фрик-братии. Пресса широко распространяла информацию о том, что Лиз собралась набирать в свой кабинет министров всех, кроме белых мужчин, но в данном случае удивительный всего не это. Почти полное отсутствие управленческого опыта и набор по принципу "лишь бы не сторонник Риши Сунака" намекает на невзгоды курса самой Трасс на пути к вершине британской политики. За 47 лет своей жизни (вернее, за последние 7 её лет) Трасс успела побывать министром внешней торговли, министром по делам женщин, министром окружающей среды, продовольствия и сельского хозяйства, председателем Торгового совета, министром юстиции, лордом-канцлером и министром иностранных дел. Практически весь кабинет министров, за исключением пары сторонников Джонсона, состоит из точно таких же специалистов по всему на свете, профессиональных неумех, искусных в парламентских интригах, но не способных к взаимодействию с действительностью за стенами Вестминстерского дворца.

ЗА ЭТИМИ СТЕНАМИ кипит жизнь. Министр иностранных дел Британии — этот пост до 6 сентября занимала Трасс — в полном названии своей должности носит ещё и слова "министр по делам Содружества". Это самое Содружество не так дружно, как раньше. Да, наплыв корону Чарльз не только превратился в Карла, но и стал королём Австралии, Багамских островов, Белиза, Гренады, Канады, Новой Зеландии, Папуа — Новой Гвинее, Сент-Винсента и Гренадин, Сент-Китса и Невиса, Сент-Люсии, Соломоновых островов, Тувалу, Ямайки и Антигуа с Барбудой (уже объявивших о намерении выйти из состава Содружества в течение трёх лет). Не сказать, что все перечисленные осколки самого большого государства в истории человечества жаждут быть частью британского наднационального объединения. Дело здесь не только в упомянутом выше падении популярности монархии — тренде, куда сильнее наблюдаемом в бывших колониях, — но и в желании выйти из-под контроля многочисленных британских структур, мешающих странам проводить не зависящую от Лондона внешнюю политику.

Минувшей весной Уильям и Кейт, эти американцы в британских шкурах, совершили турне по мелким странам Содружества, где в лучших традициях вашингтонских культурных войн покорно сыпали пепел на свои голы в раскаянии за колониальное прошлое. Ответ, который они получили, выражался в осыпаниях и протестах на уровне улицы и намеках на то, что раскаяния неплюхно было бы перевести в более прагматичную плоскость на уровне кабинетов.

В июне в "Завтра" публиковался материал о перспективах разлада между частями Британии — там упоминалось, что поводов для лондонской тревоги не даёт разве что Уэльс. Соседи, реагировавшие на смерть Елизаветы, подметили интересную особенность: все расположенные в Англии британские транснациональные конторы объявили траур, поставив чёрно-белые аватарки, однако те из них, которые базируются в Шотландии и Северной Ирландии, от показательной скорби воздержались. Нет смысла цитировать ирландских футбольных фанатов, певших про "Лиззи в ашике" — хамство республиканцев происходит из их бесилия, из обиды на то, что ненавистная "Лиззи" спокойно умерла старой в своей постели, а не была, как принято в Ирландии, взорвана в машине.

Куда интереснее оказалась реакция властей частей Соединённого Королевства. Первый министр Шотландии Никола Стерджен назвала избрание Трасс катастрофой для всей Британии и анонсировала новый референдум о независимости. Пускай вас не обманывает мнимая наивность этого заявления на Лиз Трасс — точно подгаданное время высказывания делает его целью совсем другую Лиз, уже не способную ответить. Новый референдум собираются провести следующей осенью — как раз, когда шотландцы насытятся экономическими и энергетическими художествами Лондона. Точнейшее знание шотландской социологии подкашивает, что в этот раз, в отличие от сытого и беззаботного 2014 года, число сторонников независимости будет серьёзно выше 45%.

Кризис феодализма в своё время был вызван среди всего прочего именно тем, что разросшиеся структуры управления не могли держаться на договорённости и обещаниях, данных смертным (хуже того — внезапно смертным) людям. На смену королю-человеку пришёл король-концепт. Абсолютизм, эпоха конструирования централизованной бюрократии и концентрации всей полноты даже локальной власти в руках двора, имела своим символом двух Людовиков — XIV и XV, на которых пришлось почти полтора века французской политической стабильности. Но груз связей и взаимных обязательств, которым обростал король-концепт, был не по силам королю-человеку — это доказал слабый и невежучий Людовик XVI, приведший Францию к кровавой буржуазной революции.

Нет занятия глупее, чем проводить исторические параллели — разве что замерять проценты популярности монархов, — но из происходящего сам по себе напрашивается вывод: кризис власти (как королевской, так и парламентской), который так нехотят назревать в пока ещё Соединённом Королевстве, грозит стать последним танцем европейской монархии.

Илья ТИТОВ

НОВЫЕ РЕАЛИИ

В КОНЦЕ АВГУСТА знаменитый стратегический аналитик банка Credit Suisse Золтан Пóжар опубликовал очередное исследование на тему смерти современного монетаризма. Пожар, бывший советник МВФ, Министерства финансов США и в прошлом сотрудник нью-йоркского офиса ФРС, привык называть монетарную систему, сложившуюся после начала века, Второй Бреттон-Вудской системой. Ещё в конце марта он выступил большой текст, где объяснял, почему ни Бреттон-Вудс II, ни Базель III (промежуточное решение, сделанное по результатам кризиса конца нулевых) сегодня неприменимы. Пожара в этом отношении стоит послушать, так как именно он приложил руку к строительству системы, действовавшей на протяжении всех 2010-х годов. В опубликованном в конце лета тексте он подробно разъяснил методы взаимодействия между составными частями этой системы.

В 1970-е годы главным успехом американской дипломатии стало установление отношений с КНР. В Пекин летал Генри Киссинджер (ныне почти столетний старец, собственными глазами наблюдающий

коллапс трудов всей своей жизни), с Мао встречался президент Никсон. Тот дерзкий шаг, фактически положивший начало вступлению Китая в глобальное противостояние на стороне США, не только стал одним из важнейших факторов поражения Москвы в холодной войне, но и создал жуткого вида химерическую структуру, называемую Кимерикой. Да, термин появился лишь в конце нулевых, но глобальное разделение обязанностей произошло вскоре после визитов Киссинджера и Никсона — примером тому служит постоянно подчёркиваемая ещё со времён Картера и его советника Бжезинского перестепенная важность американско-китайских торговых отношений. Вы и сами видели, как это делается, — пока китайцы лениво напояняли западные рынки тоннами дешёвых товаров, Вашингтон в поте лица печатает доллары, обеспечивающие дешёвиниз этих товаров. Делалось это в силу бесконечных вложений Китая, России, стран ОПЕК и вообще всех вокруг в казначейские облигации ФРС за евродоллары. Довластная стоимость росла за счёт отточности надёжных цепочек поставок, выверенности глобальных механизмов, работавших, как часы. Таким образом инфляция полностью перекрывалась на плечи вложившихся, а в метрополиях благодаря низким темпам потери стоимости валюты цвела либеральная демократия.

Да, параллель между низкой инфляцией и политической строем была выведена давно и вовсе не Пожаром, но в мартовском материале именно Пожар предсказал смерть европейские либеральных демократий в результате инфляционного удара.

Второй структурой морганатического брака стала Евросия: за счёт дешёвых энергоресурсов как на дрожжах росла европейская (главным образом — немецкая) экономика. Такой расклад сил устраивал всех, покада был актуален принцип теории торговых ожиданий — "торговля работает на доверии".

Доверие ушло — стоит вспомнить не только санкционный разрыв Запада и России, продолжавшийся долгие годы, а вовсе не вызванный событиями 24 февраля. Боевые действия нарушили те самые цепочки поставок и серьёзно били надёжную работу механизмов глобальной торговли. Строго говоря, на зыбкости всего этого тончайше намекала ещё пандемия, равно как и вставший поперёк Суэцкого канала в марте 2021-го сухогруз, парализовавший части мировой экономики. Война показала даже самым непонятливым: кризис — это не "быстро", это не "долго", это "навсегда".

Стоит держать в уме также и непрерывное давление американского государства на китайских инвесторов, самой яркой иллюстрацией которого стала история вокруг обложенного санкциями и выданного с западных рынков технологического гиганта Huawei. Вот как описывает газета китайской Компартии, The Global Times, ситуацию с инвестиционной привлекательностью Америки (описывая, кстати, в контексте материала об открытии завода аккумуляторных батарей для электромобилей в Венгрии, то есть это намёк на противопоставление надёжных союзников в "Новой Европе" взбалмошным и непредсказуемым руководителям ядра Запада): "За последнее время в дьявольной атмосфере Америки были созданы страшные прецеденты, превратившие богатую инвестиционную почву в минное поле".

В этот контекст идеально ложится объявленная Трампом в 2018 году торговая война Китаю и постоянные политические "жесты злобной воли" со стороны Вашингтона, лишь усилившие после прихода Байдена: начиная с регулярных обвинений в геноциде уйгуров и подавлении восстания в Гонконге и заканчивая открытым хамством вроде полётов на Тайвань вашингтонской ведьмы Пелоси.

В результате уничтожения этой системы, строившейся на доверии, вчерашние младшие партнёры начинают задумываться о справедливости Бреттон-Вудса II, в рамках которого поставки российского газа за 20 миллиардов долларов обеспечили германской экономике рост добавленной стоимости на 2 триллиона.

В среде посткейнсианцев, задающих тон в экономической науке после мирового кризиса 2008 года, тот коллапс, который обычно следует за столь радикальным расхождением, называется "моментом Мински": лучшей иллюстрацией этого до сих пор был коллапс инвестиционного банка Lehman Brothers в 2008-м. Расхождение в двух глобальных структурах, обеспечивавших стабильное процветание стран Запада, подталкивало младших партнёров в этих униях к созданию собственного партнёрства. В результате создаются две неравноценные структуры, где в первой царит раздолье дешёвых ресурсов и средств производства, а во второй имеются тонны денег, которые некуда тратить.

Разумеется, американский экономист Пожар не видит в этом ничего хорошего. Выходом он видит нечто, называемое им Третейей Бреттон-Вудской системой. В рамках этой системы, детича инфляционного импульса, спрос на евродоллары и ценные бумаги ФРС падает, регионы замыкаются на себе, дублируют цепочки поставок и производят товары про запас, без расчёта на сиюминутный сбыт. Европе и Америке необходимо наращивать собственные средства производства, дабы подкреплять стоимость своих валют так, как это принято в раздробленном мире, — реальным товарам.

Новая индустриализация стран Запада, говорит Пожар, должна основываться на мощностях ВПК — во-первых, из-за самой надёжной производственной базы, а во-вторых, ради возможности защитить морскую торговлю любой ценой.

Словом, при ознакомлении с куском текста про новую индустриализацию и реальные товары складывается впечатление, что слова принадлежат не пентенцу нью-йоркского незда ФРС, а горячему стороннику бывшего (а может, и будущего) президента Трампа. Оранжевому президенту нью-йоркский аналитик вторит и в другом: не время для зелёных игр. Экологический переход необходимо сворачивать, так как в условиях чрезвычайной опасности и необходимости задействования всех доступных ресурсов трагедия денег на борьбу с глобальным потеплением кажется непозволительно бляклой. В этом сторонник реальной экономики и реальной политики выступает в заочный спор с теми, кто и сегодня продолжает проталкивать зелёные идеи с утроенным иступлением.

ОТВЕТОМ НА ПАНИКУ Пожара стало показное спокойствие Перри Мерлинга, вступившего с ним в дискуссии на прошлой неделе. Историк экономики и профессор Школы глобальных исследований Бостонского университета заметил важную вещь: на его веку доллар хоронили столько раз, что и считать нельзя, но каждый раз американоцентричная финансовая система, строящаяся на упомянутых выше принципах, выходила из любых невзгод победителем. По словам Мерлинга, кризисы лишь укрепляли положение доллара: "За мировым кризисом 2008 года, если посмотреть на рынки капитала, последовала экспансия доллара на Глобальный Юг (Африку, Латинскую Америку и Южную Азию)". Пожар, утверждающий о неизбежности роста цен на реальные товары, сталкивается с непониманием Мерлинга, согласно которому весь мир использует доллар не из-за слабо мотивированных в сегодняшнем контексте вложений в американские облигации, а просто из-за удобства универсального средства расчёта (с удобством последние несколько месяцев возникают проблемы — издержки владения американской валютой растут и тяжёлым грузом ложатся на плечи остального мира).

В качестве необходимого меры преодоления кризиса Пожар называет авторитаризм. Не только авторитарную монетарную политику: ещё в марте он написал, что рецепты ныне покойного Пола Волкера, за волосы вытащившего американскую экономику из рецессии 2009 года, более не могут применяться, ведь строились они на надёжности евродолларовой системы — той самой системы, что сейчас разваливается. Выход видится Пожару в концентрации политической власти: только таким образом страны "Семерки" смогут пережить последствия инфляционного удара.

Экономисту, запертому в плену неокейнсианских моделей, исследованной Альберта Эдвардса и прогнозов Goldman Sachs и JP Morgan, позитительно не замечать того хаоса, что царит в управленческих элитах стран Запада. Но если отвлечься на вызов времени, требующий жёсткого менеджмента и твёрдых принципов, становится электоральный разброд в Вашингтоне и приход к власти дипломатированной дуры в Лондоне, возникает вопрос: кого сожрёт Запад?

Валерий ВОРОБЬЁВ

ГЕРОЙ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гвардии полковник Иван Александрович Шитц, командир 239-го гвардейского танкового Оренбургского казачьего полка 90-й гвардейской танковой дивизии Центрального военного округа.

С 24 февраля 2022 года полк под его командованием был задействован в специальной военной операции по защите Донецкой и Луганской Народных Республик.

За массовый героизм и отвагу, стойкость и мужество, проявленные личным составом полка в боевых действиях по защите государственных интересов, 239-й Краснознаменный орден Суворова, Кутузова и Александра Невского Оренбургский казачий полк был награжден 15 июня 2022 года орденом Жукова.

Указом президента России за мужество и героизм, проявленные при исполнении воинского долга, гвардии полковнику Шитцу Ивану Александровичу присвоено звание Героя Российской Федерации.